УДК 811.512.144

DOI: 10.21779/2542-0313-2026-41-1-70-77

Н. Э. Гаджиахмедов[1], А. С. Исаева[2], М. А. Айбатырова[3]

Лексическая объективация концепта *бала* «ребенок» в кумыкском языке

[1] Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; nur1@yandex.ru

[2] Дагестанский государственный университет народного хозяйства; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. Джамалутдина Атаева, 5; alpiat.isaeva@yandex.ru

[3] Дагестанский государственный аграрный университет; Россия, 367032, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 180; aybatyrova67@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть лингвокультурологические особенности лексико-семантического представления концепта *бала* «ребёнок, дитя» в современном кумыкском языке. Лексическая объективация семантической категории *бала* «ребёнок», обладающей разветвленной системой номинаций, дает определенное представление о существующей концептуальной картине мира носителей кумыкского языка. В результате исследования определена лексико-семантическая структура понятия *бала* «ребёнок, дитя», уточнены коннотативные компоненты значений лексических единиц, входящих в ядро и периферии. Для выражения младенческого возраста используются и составные наименования, различных возрастных временных отрезков, связанных с ранним детством, и уточняющих параметры возраста. Для формулирования исходно-предельного, отделительного значения в синтаксических конструкциях с именами существительными используются послелоги *берли* и *тутуп*, объективирующие отделительное значение «с тех пор, начиная с»: *яшдан берли* «с детских лет».

Ключевые слова: семантика, концепт, младенческий возраст, языковая картина мира, кумыкский язык.

Постановка проблемы

Одним из актуальных направлений в современной лингвистике является антропоцентрический подход к изучению языковых фактов, который позволяет рассматривать «лингвистические явления в тесной связи с самим человеком, его культурой, мышлением и практической деятельностью» [9, с. 8]. Наиболее информативным с точки зрения культурных данных признается лексический уровень языка. Лексические единицы номинации наиболее прозрачны для лингвокультурных концептов, поскольку в них отображаются характерологические черты мировидения народа.

Несмотря на наличие в современной тюркологии отдельных исследований лексико-семантических особенностей тюркских языков в контексте обозначения младенческого возраста [4; 9; 13; 14 и др.], материал кумыкского языка до настоящего времени остается недостаточно изученным.

Предмет нашего исследования – семантическое поле «возраст человека» как фрагмент кумыкской национальной картины мира.

Цель – дать системное описание номинаций лексико-семантического поля *бала* «ребенок, дитя» в современном кумыкском языке.

Задачи: установить средства репрезентации номинативного поля концепта *бала* «ребёнок», охарактеризовать его когнитивные признаки.

Материал и методы исследования

Объектом исследования являются лексические номинации понятия *бала* «ребёнок, дитя», извлеченные из лексикографических источников кумыкского языка. С целью более точного выявления содержания признаков, которые характеризуют концепт *бала* «ребёнок, дитя», нами изучались дефиниции нескольких лексикографических источников, анализировались семантика и коннотации составных номинаций ребёнка в кумыкской картине мира.

Для решения поставленных задач использованы следующие *методы*: метод сплошной выборки языкового материала из лексикографических источников; метод словарной идентификации для описания исследуемых единиц; интерпретационный метод.

Результаты исследования

В кумыкском языке для объективации младенческого возраста используются следующие лексические единицы: *бала* «дитя, ребёнок, малыш»; *сабий* «ребёнок, дитя»; *бебей* «младенец»; *торай* «дитя, ребёнок»; *нарыста* «ребёнок»; *балажан* «ребёнок, младенец, дитя»; *яш* «ребёнок, дитя»; *гиччиси* (букв. «младший из детей») «ребёнок»; *мелте* «ребёнок, дитя»; *бала-чагъа* «чадо»; *авлет* «ребёнок дети» [3, с. 74]. Эти наименования лиц без дифференциации по полу, номинирующие лиц младенческого возраста, указывают на самый ранний период детства.

Ядерной лексемой в данном лексико-семантическом поле является слово ***бала*** «дитя, ребёнок», которое в лексикографических источниках тюркских языков представлено как полисемант: 1) дитя, ребёнок, малыш; 2) птенец, детёныш [1, с. 44; 12, с. 49; 14, с. 323;]. Ближнюю периферию составляют слова: *сабий* «ребёнок, дитя»; *бебей* «младенец»; *нарыста* «ребёнок»; *балажан* «ребёнок, младенец, дитя», *яш* «ребёнок, дитя», *авлет* «ребёнок, дети». К дальней периферии относятся слова-ассоциаты: *торай* «дитя, ребёнок»; *бала-чагъа* «чадо»; *мелте* «ребёнок, дитя».

На наш взгляд, лексикографические источники кумыкского языка недостаточно полно отражают семантический объем слова *бала*. В семантический объем данной лексемы помимо приведенных значений, на наш взгляд, необходимо включить еще ряд значений, расширяющих функционально-семантическую природу данного слова. Так, семантическая структура данного слова включает значение «питомец, сын, дитя, представитель определенной среды, класса»: *гьакъыллыны баласы* «сын умного»; *бусурманны баласы* «сын мусульманина»; *эл баласы* «сын Родины»; *асиллени баласы* «дитя благородных»; *огъурсузланы баласы* «сын злополучного»; *Ата баласы болма, эл баласы бол* «Не будь сыном (только) своего отца, будь сыном Родины своей». В приведенных примерах слово *бала* использовано в значении «человек, который обнаружил в себе яркие черты какой-нибудь среды, какого-нибудь времени, каких-либо условий воспитания».

В форме притяжательности в 1 лице ед. ч. слово *балам* независимо от возраста используется в роли обращения в значении «голубчик, дитя моё»: – *Магьач! Балам, сен савмысан?* (М. Ягьияев) – Махач! Сын мой, ты живой? *Анасы къызына: «Аявлу балам, гюнагьынг ёкъ буса неге йылайсан?»* (Сраждин Токъболатов) Мать дочери: «Дорогая доченька, если ты не виновата, зачем плачешь?»

На наш взгляд, слово *бала* в адъективной функции выражает следующие значения, не отмеченные в словарях кумыкского языка:

1) «детский; ребячий; младенческий; малышовый»: *Ана гёнгю балада – бала гёнгю анада* «Сердце матери – в ребёнке, сердце ребёнка – в воздухе (в развлечениях, в удовольствиях)» [2, с. 56];

2) «маленький; небольшой»: *Тамаза Бавюртдан алып гелген бала жие терекни орнатды* (Аткъай Гьажамматов) «Почтенный старик посадил маленькое вишнёвое дерево, привезённое из Бавюрта».

По данным «Кумыкско-русского словаря» слово *торай* является полисемантом: «1) поросёнок; 2) *перен*. дитя, ребёнок, внук, внучка» [1, с. 306]. Однако представленная в данном словаре семантическая структура слова *торай* нуждается в уточнении и дальнейшем развитии. На наш взгляд, основным значением слова *торай* в кумыкском языке является не значение «поросенок», а значение «приплод». Слово «приплод» используется для обозначения не только «поросёнка», но и других детенышей животных, например, «телёнок, буйволёнок, жеребёнок, ягнёнок, козлёнок» и т. п., что дает нам основание считать, что слово *торай* первоначально использовалось в значении «приплод» и в результате переосмысления приобрело значение «дитя, ребёнок».

Крайнюю периферию номинативного поля *бала* составляет слово *мелте* «фитиль», которое в переносном значении выражает значение «дитя». Лексикографические источники кумыкского языка в семантический объем слова *мелте* не включают семему «возраст». Однако в результате метонимического переосмысления лексического значения слово *мелте* стало использоваться в кумыкском языке для характеристики младенческого возраста: *Мен жырт деп турагъан гелин сюемен. Бу буса* ***мелте*** (Магьаммат-солтан Ягьияев) «Я же хочу хорошую невесту. Она же ребёнок». Слово *мелте* в данном контексте приобретает негативный смысл, который также подразумевает ее неспособность к самостоятельной деятельности.

В атрибутивной функции субстантив *мелте* используется не как самостоятельная лексическая единица, а как обязательный элемент в сочетании со словом *чакъ* «возраст», например: *мелте чакъ* «младенческий возраст»; *«Ана тилим десем, мелте чагъымны, танг ели шыбышлай, шыбышлай гелип; сююнюп гюн сыйпай сют яягъымны, анажаным болуп оьбе иелип* (Аткъай) «Когда звучит мой родной язык, свежий утренний ветерок шепчет о чем-то; солнце, радуясь, поглаживает мои молочные щёчки, как милая мама целует нагнувшись меня».

На периферии исследуемого семантического поля находится слово *авлет*, которое согласно «Кумыкско-русскому словарю» является моносемантом. На наш взгляд, значение и смысловая структура данной лексической единицы нуждается в более глубоком осмыслении. Семантическую структуру слова *авлет* можно представить в ряде семем, которые могут быть рассмотрены как отдельные компоненты значения.

Арабское заимствование *авлет* в современном кумыкском языке выражает ряд лексических значений, объединённых общим смыслом:

1) значение «ребенок»: *Ханыма къатын ярашмай: авлет болмай эди* (А. Салаватов) «Моему князю жена не подходит: у него детей (*букв.* «ребёнок») не бывает»; *Арада авлет бар чы* (Аткъай) «Между ними же ребёнок»;

2) значение «потомок»: *Яман авлет артыкъ бармакъгъа ошай, гессенг, авурта; гесмесенг, талчыкъдыра* (поговорка) «Плохой потомок подобен лишнему пальцу, отрежешь – болит, не отрежешь – беспокоит»;

3) значение «сын»: *Озокъда, ожакъда бир деген бир улан авлетмен* (Алим Къабартыев) «Конечно, я единственный сын в семье»;

4) значение «дочь»: *Тенгири бизге къыз авлет бермеген сонг, мени кёмекчилерим сиз болажакъсыз* (Аткъай Гьажамматов) «Раз Всевышний нам не дал дочь, моими помощниками будете вы».

Таким образом, фактический материал подтверждает многозначность слова *авлет* в кумыкском языке.

Из всех проанализированных в данном лексико-семантическом поле слов реже всех встречается слово *тунгуч* «первенец», которое по данным КРС используется только по отношению к ребенку [1, с. 308]. На наш взгляд, такая характеристика лексемы *тунгуч* нуждается в уточнении. У нас есть все основания утверждать, что слово *тунгуч* в кумыкском языке употребляется без отношения к ребенку. Об этом говорит пословица *Тунгучну тою, генжени ясы гючлю болур* «Свадьба первенца и похороны последыша бывают пышными». В этом предложении нет слова, характеризующего «младенческий возраст». Не содержит *тунгуч* значения «младенческий возраст» и в предложении *Умахан бекни тунгуч авлети Али Солтан* (Б. Атаев) «Али Солтан – первый сын Умахан бека». Поэтому мы данное слово не включили в лексико-семантическое поле «младенческий возраст».

Слово *авлет,* как и все другие номинанты данного семантического поля, является гендерно нейтральным*: Сени авлетинг болажакъны англадым* (И. Керимов) «Я понял, что у тебя будет ребенок»; *Исбаниятны авлети ёкъ* «У Исбаният нет ребенка». Однако только в данной лексеме в роли гендерных маркеров могут быть использованы гендерно релевантные субстантивы, выступающие в роли антропономинантов: *улан авлет* (букв. *улан* «сын» + *авлет* «ребенок»); *къыз авлет* (букв. *къыз* «девочка» + *авлет* «ребенок»). Ср.: *Оьзюнгден сонг улан авлет болмаса, дюньялыкъдагъы тамурунг къуруй чу* (Гебек Къонакъбиев) «Если до твоей смерти у тебя не рождается сын, в этом мире твои корни высохнут»; *Айзанат, къыз авлетсиз сагъа уьйню къуллугъун кютмеге къыйын* (Аткъай Гьажамматов) «Айзанат, тебе без дочери трудно вести домашнее хозяйство».

Э. В. Севортян осторожно предполагает, что слово *бала* первоначально в своей семантической структуре не имело значения «ребенок, дитя». Значение «детеныш» отмечено значительно раньше, чем значение «ребенок, дитя». В таком случае говорить о метафорическом переосмыслении «детеныш – ребенок» не приходится. Происхождение слова *bala* освещено в соответствующих этимологических словарях Э. Севортяна [12, с. 49–61], Р. Г. Ахметьянова [6, с. 155] и др. По мнению большинства ученых, слово *bala* имеет индоевропейское происхождение. Как указывает Дж. Киекбаев, слово *bala* было заимствовано из санскрита [7, с. 17]. По структуре и значению тюркское *бала* и санскритское *balah* совпадают [6, с. 155; 7, с. 17; 12, с. 49].

В древнеиндийском именнике встречается антропоним *Бала.* В роли женского имени *Бала* означало «девочка, девушка, молодая», а в роли мужского имени – «молодой» [5]. В составе антропонимических единиц личное имя *Бала* встречается не только в языках народов Дагестана, но и адыгейском, чеченском, осетинском и др. языках народов Северного Кавказа [11, с. 2012].

Лексические системы некоторых языков, например, русского языка, более четко дифференцируют возрастные периоды в жизни человека, чем кумыкская система номинаций. В кумыкской системе обозначений возраста словом *яшлыкъ* в зависимости от контекстуально ситуативных условий выражаются две ступени возраста – «детство» (1) и «молодость» (2). Ср.:

1) *Гёзет этгенмен хыйлы къачалайда* ***яшлыкъда*** (А. Къакъашуралы) «В молодости очень часто ночевал с табуном в Качалае»;

2) *Яз йимик* ***яшлыкъ*** *оьтген, оьмюрюм авгъан гюзге…* (Атав Атаев) «Детство прошло как весна, жизнь склонилась к осени».

В первом предложении слово *яшлыкъ* выражает значение «молодость», а во втором предложении то же самое слово обозначает «детство». В русском языке в отличие от кумыкского эти ступени родства более четко дифференцированы.

В исследуемой лексико-семантической группе экспрессивную окраску имеют номинативы *бебей, сабий* и *нарыста,* которые чаще всего встречаются в поэтических произведениях: ***Сабий яшдай*** *сен алдатып башымны Юрюгенде майчыракъдай мен яндым* (Жават Закавов) «Когда ты, как младенца, меня обманула, / Уходя, я, как свечка, растаял». В данном предложении *сабий яшдай* использовано в значении «наивный, неопытный человек». Приведенное сравнение включает дополнительную коннотацию, которая может быть интерпретирована как жалость и легкое презрение.

Только слова *сабий* и *яш* служат производящими основами для образования новых имен существительных с собирательным значением: *сабийлик* «детство, детский возраст, младенчество» и *яшлыкъ* «детство», «молодость».

Для обозначения младенческого возраста используются и составные наименования, выражающие различные возрастные временные отрезки, связанные с ранним детством, и уточняющие параметр возраста. Так, для формулирования исходно-предельного, отделительного значения в синтаксических конструкциях с именами существительными используются послелоги *берли* и *тутуп*, объективирующие отделительное значение «с тех пор, начиная с»: *яшдан берли* «с детских лет»; *яш замандан берли* // *яш замандан тутуп* «с младенческих лет»; *сабий замандан тутуп* / *сабий чагъымдан тутуп* «с малых лет»; *бебей заманында* // *чагъа заманында* «в младенческом возрасте»; *датий этеген заманында* «когда ребенок только начинает ходить»; *къуннакъдагъы заман* «с пеленок»; *нарыста заманындан тутуп* «с младенческих лет».

Приведенные примеры свидетельствуют о целой разветвленной системе отделительных значений в лексико-семантическом поле «младенческий возраст» в кумыкском языке. Простая форма с отделительным временным значением выражается существительным *яш* «дитя» в форме исходного падежа: *Мени уьйретген яшдан яхшы бол деп ямангъа* (Абзайдин Гьамитов) «Меня с детства учили добром отвечать на зло».

У каждой лексемы, выражающей младенческий возраст, свои формально выраженные способы номинации отделительного значения. Так, отделительная форма *яшдан берли* образована от существительного *яш* «дитя» в исходном падеже с послелогом *берли* «с». По этой модели ни от одного другого слова данной лексико-семантической группы нельзя образовать отделительную форму. Все отделительные формы имеют проспективную временную направленность. Как видно из примеров, употребление временного показателя *заман* необязательно только для одного слова в этой лексико-семантической группе – это лексема *яш* «дитя», которая может употребляться и без слова *заман: яшдан берли* «с детских лет». Таким образом, только от слова *яш* «дитя» образуются две отделительные формы: двухкомпонентная отделительная форма *яшдан берли* и трехкомпонентная отделительная форма *яш замандан берли.*

Вместо послелога *берли* «с» может употребляться и послелог *тутуп* «с»: *яшдан берли / яшдан тутуп* «с детства».

Возможна и трехкомпонентная конструкция с послелогом *тутуп* «с»: *Яш замандан тутуп эшитгенмен кёплерден таза къасты болгъан* (Б. Магьамматов) «С детских лет слышал, что у него были чистые намерения».

Таким образом, отделительные формы выражения «младенческий возраст» образуют грамматические синонимические ряды. Вот один из таких синонимических рядов: *яшдан – яшдан берли – яш замандан берли – яшдан тутуп – яш замандан тутуп*.

В результате соединения лексем *бала* «дитя, ребёнок, малыш» и *чакъ* «время» образовался фразеологизм *бала чакъ* со значением «детство»: *Болур бала – бала чакъдан белгили* «Ребенок, который станет человеком, узнается в детстве» [2, с. 151].

Не все лексемы, предназначенные для обозначения младенческого возраста, используются в сочетании с темпоральными словами *чакъ/заман* «время». Слово *бебей* не сочетается с темпоральными субстантивами *чакъ* и *заман,* а слово *сабий* сочетается очень редко. Мы обнаружили только один пример такого сочетания: *Сабий чагъымдан тутуп, юрекге сюув салдынг* (Жават Закавов) «С младенческих лет ты заставила меня влюбиться».

Составной формой номинации младенца является сочетание существительного и прилагательного *янгы тувгъан* «недавно рожденный» с мотивированным признаком: *Янгы тувгъан – рысхысы булан* (поговорка: «Новорожденный со своей долей» (досл.).

В «Кумыкско-русском словаре» дано словосочетание *эмчек сабий,* которое переведено как «грудной ребёнок» [1, с. 250]. На наш взгляд, перевод осуществлен неудачно. Слово *сабий* включает в свою семантическую структуру семему «грудной». Поэтому в электронном корпусе текстов на кумыкском языке, включающем более 150 художественных произведений кумыкских авторов, поисковая система не обнаружила ни одного такого сочетания слов.

В кумыкском языке никакие аффиксы в выражении значения «младенческий возраст» (кроме корня) в структуре лексических единиц не участвуют, и только лексема *торай,* образованная от *тораймакъ* «подрастать, вырастать», имеет мотивировку, а все остальные лексемы являются немотивированными.

Младенец является невинным, безгрешным, непорочным существом. Поэтому кумыки клянутся младенцем: *Нарыста гьакъучун!* «Клянусь младенцем!».

Заключение

Таким образом, кумыкский язык обладает разветвленной лексической системой номинаций, объективирующих понятие *бала* «ребёнок, дитя». Ядерной лексемой в данном лексико-семантическом поле является полисемант *бала* «дитя, ребёнок». Ближнюю периферию составляют слова: *сабий* «ребёнок, дитя»; *бебей* «младенец»; *нарыста* «ребёнок»; *балажан* «ребёнок, младенец, дитя»; *яш* «ребёнок, дитя»; *авлет* «ребенок, дети». К дальней периферии относятся слова-ассоциаты: *торай* «дитя, ребёнок»; *бала-чагъа* «чадо»; *мелте* «ребёнок, дитя». Лексика, расположенная на периферии, обладает более широким спектром значений и передаёт множество смысловых нюансов и стилистических особенностей. Сходство лексических единиц, обозначающих понятие *бала* «ребёнок, дитя» в языковых картинах мира различных тюркских языков, свидетельствует об общих основах существования тюркских народов.

Литература

1. Бамматов, Б. Г. Кумыкско-русский словарь / Б. Г. Бамматов, Н. Э. Гаджиахмедов / под ред. Б. Г. Бамматова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2013.

2. Гьаджиагьматов, Н. Э. Къумукъланы айтывлары ва аталар сёзлери / Н. Э. Гьаджиагьматов. – Магьачкъала, 2017. – 460 с.

3. Гаджиахмедов, Н. Э. Лексическая объективация концепта «возраст человека» в кумыкской языковой картине мира / Н. Э. Гаджиахмедов, М. А. Айбатырова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 38, вып. 2. – С. 92–98.

4. Газаева, Г. Ж. Концепт *бала* «дитя, ребенок» и его темпоральная характеристика в карачаево-балкарском языке / Г. Ж. Газаева, М. М. Текуев // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 4 (66). – С. 196–200.

5. Древние индийские имена: словарь значений. 2012. – URL: [https://dic. academic. ru/dic. nsf/personal_names/5158/]

6. Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. / Р. Г. Әхмәтьянов. – Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015.

7. Киекбаев, Дж. Татарский язык: лексическая и грамматическая семантика / Дж. Киекбаев. – Казань, 1984. – 96 с.

8. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Толковый словарь карачаево-балкарского языка / отв. ред. Д. М. Гузеев. – Нальчик: Эль-Ра, 1996. – 1016 с.

9. Нафиков, Ш. В. Тюркское *bala* 'дитя' и лексические параллели (изоглоссы) в евроазиатских, баскском и других языках / Ш. В. Нафиков // Проблемы востоковедения. 2021 № 2 (92). – С. 50–57.

10. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – Москва: Наука, 1988. – 216 с.

11. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. проф. Р. Ю. Намитокова. – Москва: Флинта: Наука, 2012. – 584 с.

12. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. – Москва: Наука, 1974. Т. 1. – 768 с.; 1978. Т. 2. – 349 с.

13. Султанбаева, Х. В. Концепты «сабый» («младенец») и «бала» («ребенок») в творчестве Мустая Карима / Х. В. Султанбаева, А. Н. Бахтиярова, Г. М. Гимашева // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6. – С. 515–519.

14. Текуев, М. М. Темпоральная характеристика субстантивов «къагъанакъ» – младенец, «сабий» – ребенок в карачаево-балкарском языке в культурологическом плане / М. М. Текуев, Г. Ж. Жаникаева // Вопросы тюркологии. 2011. № 7. – С. 65–68.

Поступила в редакцию 4 апреля 2025 г.
Принята 30 апреля 2025 г.

UDC 811.512.144

DOI: 10.21779/2542-0313-2026-41-1-70-77

Lexical Objectification of the Concept of “Bala / Child" in the Kumyk Language

N. E. Gadzhiahmedov[1], A. S. Isaeva[2], M. A. Aybatyrova[3]

[1] Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; nur1@yandex.ru

[2] Dagestan State University of National Economy; Russia, 367000, Makhachkala, Ataev st., 5; alpiat. isaeva@yandex.ru

[3] Dagestan State Agrarian University; Russia, 367032, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 180; aybatyrova67@mail.ru

Abstract. The article attempts to reveal the linguistic and cultural features of the lexical and semantic representation of the concept of the *bala* "child" in the modern Kumyk language. The lexical objectification of the semantic category of the *bala* "child", which has an extensive system of nominations, gives a certain idea of the existing conceptual picture of the world of native speakers of the Kumyk language. As a result of the study, the lexical and semantic structure of the concept of the *bala* "child" was determined, the connotative components of the meanings of lexical units included in the core and periphery were clarified. Compound names are also used to render infancy, expressing various age time periods associated with early childhood, and specifying the age parameter. Thus, to express the initial, limiting, separative meaning in syntactic constructions with nouns, the postpositions *берли* and *тутуп* are used, objectifying the separative meaning "since then, starting with": *яшдан берли* "since childhood".

Keywords: semantics, concept, infancy, linguistic picture of the world, Kumyk language.

Received 4 April, 2025.
Accepted 30 April, 2025.